

Секция «Политическое знание в современную эпоху: новые направления и методы»

Понятие «историческая травма» как актуальный элемент политического знания: проблемы типологизации.

Научный руководитель – Артамонова Юлия Дмитриевна

Самсонова Наталия Николаевна

Аспирант

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, Факультет
политологии, Москва, Россия

E-mail: natalie.samsonova@gmail.com

Очевидное в условиях «мемориального бума» расширение и углубление проблематики изучения памяти влечёт за собой взаимопроникновение анализа исторической памяти и иных областей социально-политических исследований, одной из которой выступает изучение исторической травмы. Развитие данной категории политического знания сопряжено с актуальными реалиями: трансформацией мемориальных канонов - переходом от сакрифицированных к виктимизированным формам памяти, закономерно влекущим за собой потребность в переосмыслении таких явлений как колониализм, политическое насилие, дискриминация; феноменом инструментализации травмы (попыток легитимизировать политические цели за счёт потенциально травматических исторических эпизодов) и усиленного создания «образа жертвы» в т.н. «войнах памяти».

Представляется, что формирование культурных образцов проработки травматического опыта не может быть успешным без тщательного теоретического изучения механизмов «осознавания» и репрезентации исторических травм. Вместе с тем, частота использования терминов «травма», «историческая травма» и «преодоление травмы» в научной и научно-популярной литературе далеко не всегда сопутствует уяснению смысла и категориального статуса этого понятия как политической науке, так и в общественной жизни. Вплоть до сегодняшнего дня в исследованиях травм, как и в любом институционализирующемся дискурсе, по-прежнему присутствуют категориальная неопределенность и чрезмерная метафоричность, что, с одной стороны, обеспечивает доступность данного рода исследований для непрофессиональной аудитории, популяризируя данную тему, а с другой - сопряжено с определенными затруднениями научной концептуализации предмета исследования. Основываясь на массиве проанализированных работ, посвящённых феномену травмы в социальных науках, представляется возможным сформировать следующую типологизацию «травм» в социальном пространстве.

Анализируя травматический процесс с позиции возможности проработки, Д. ЛаКапра выделяет два типа травмы:

1) структурная травма - совокупность условий, обладающих высоким травматическим потенциалом, набором травматических показателей. Не может быть преодолена, а может только проживаться различными путями;

2) собственно историческая травма: отличается «привязкой» к конкретному историческому эпизоду, собственно, лицо или общность, не связанная с событием, не испытывавшее его непосредственного эффекта или последствий, не могут рассматриваться в качестве его субъекта. На основе подобной травматической привязки возможно формирование коллективной идентичности. [LaCapra, 1999. P. 722].

Ещё одна травматическая дихотомия, на этот раз связанная непосредственно с пережитым (переживаемым) опытом: «травма жертвы» и «травма преступника». Травма жертвы связана с такими характеристиками травматического эпизода как экзогенность, внезапность, чужеродность, насильственный характер трагических перемен. Память жертвы в

свою очередь может подразделяться на героическую (подвиг) и травматическую (мученичество).

Травма преступника имеет принципиально иной характер. В данном случае возникновение травматических переживаний сопряжено с радикальным изменением рамочных условий осмысления собственных действий и их последствий. Как пишет Бернхард Гизен, травматический поворот сознания преступника заключается не «во внезапном пробуждении совести, но в драматично постыдном осознании абсолютной потери собственного лица» [Giesen, 2004]. Травму преступника можно описать как «травму стыда», вызванную стремительной деконструкцией положительного представления о себе самом. В темпоральном измерении данная категория тесно сопряжена с феноменом «травмы вины», распространяющейся на дальнейшие поколения. Примером может послужить формирование немецкой транспоколенческой идентичности, проистекающей из травмы зрителей, а не палачей, исполнителей преступления.

Наконец, необходимо вновь упомянуть о зависимости между «объемом» травмы и ее влиянием на идентичность травмируемой группы. Ф.Р. Анкерсмит выделяет два типа травмирующего опыта: первый сопровождается вытеснением из сознательной памяти (социальная общность, сознавая и не отрицая свою вину, сознательно забывает травматический опыт, именно потому что помнит о нем) и не разрушает основы коллективной идентичности; во втором случае - травматическая утрата предполагает переход от прежней к новой идентичности, является «утратой прежнего себя» [Анкерсмит, . С. 440-443]. Механизмом преодоления травмы первого типа выступает восстановление правдивой истории о травмирующем прошлом. Преодоление травмы второго типа таким образом невозможно, поскольку любое повествование о прошлом, любые попытки общества описать его травматические аспекты будут вестись с использованием символических ресурсов новой идентичности, что лишь подчеркнёт контраст между прежним и новым миром, преумножит чувство «потери».

Подводя итог, необходимо отметить, что собственно, понятие травмы имеет двойственный характер: рассмотренная дихотомия Д. ЛаКапры указывает на то, что подмена категории «утрата» (подлинная потеря) категорией «отсутствие» (явление или конструкция, которая никогда не существовала на практике в истории отдельно взятого общества) может способствовать искусственному навязыванию травматических переживаний тем группам, которые изначально его не испытывали. Будучи созданным с опорой на то, что составляет неотъемлемую часть культуры, конструкт отсутствия выступает весьма действенным инструментом политической пропаганды, подходящим для убеждения людей с неясной природой тревоги в том, что они тревожатся именно после утраты чего-то, что на самом деле никогда не имели. Описывая же травматические переживания "естественного порядка", можно выделить такие аспекты типологизации как дихотомия «жертвы и преступника», а также зависимость между силой («объемом») травматического события и его влиянием на идентичность травмируемой группы. Представляется, что проблема типологизации травматического опыта на теоретическом уровне является перспективным направлением развития политической науки, поскольку подобные типологические характеристики могут стать основанием для формирования унифицированных моделей детравматизации и ключом к объяснению многогранных общественных процессов, что составляет одну из базовых функций политического знания.

Источники и литература

- 1) LaCapra D. Trauma, Absence, Loss // Critical Inquiry. 1999. N 4. P. 696–727.
- 2) Giesen B. Triumph and Trauma. London: Paradigm publishers, 2004. 196 p.
- 3) Анкерсмит Ф.Р. Возвышенный исторический опыт. М.: Европа, 2007. 612 с.